

ISSN 0130—6995

Народы

АЗИИ И АФРИКИ

2
1987

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ АФРИКИ

Народы

АЗИИ и АФРИКИ

ИСТОРИЯ, ЭКОНОМИКА, КУЛЬТУРА

В Ы Х О Д И Т Ш Е С Т Ь Р А З В Г О Д

1

9

8

7

2

СО Д Е Р Ж А Н И Е

СТАТЬИ

- Е. Г. Ищенко. Сотрудничество с СССР и формационное развитие стран социалистической ориентации 3
- П. П. Моисеев, Г. П. Старченко. Стратегии экономического развития Турции (20—80-е годы XX в.) 13
- Ю. Л. Кроль (Ленинград). Спор как явление культуры древнего Китая 24
- Проблемы методологии**
- С. Д. Серебряный. Понятие «особая литературная общность» с точки зрения индолога 35
- Преподавание востоковедных дисциплин**
- Д. Е. Еремеев. О методических пособиях по истории стран Азии и Африки 45
- Из истории востоковедения и африканистики**
- А. В. Филиппов (Ленинград). Василий Яковлевич Костылев 53

СООБЩЕНИЯ

- В. П. Карпунин. Международные валютно-кредитные рынки в Юго-Восточной Азии 59
- С. В. Ястржембский. Португальская коммунистическая партия и национально-освободительное движение в португальских колониях 68
- М. А. Соколова. Народный фронт во Франции и антиколониальное движение в Алжире (1934—1938) 76
- Ю. Д. Михайлова (Ленинград). Школа национальных наук в Японии (к вопросу об истоках японского национализма) 82
- И. Е. Петросян (Ленинград). Турецкие социально-политические трактаты XVI—XVII вв. 89
- М. Б. Пиотровский (Ленинград). Аравийские корни ислама 97

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
МОСКВА

ВАСИЛИЙ ЯКОВЛЕВИЧ КОСТЫЛЕВ

ИЗ ИСТОРИИ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ И АФРИКАНИСТИКИ

А. В. ФИЛИППОВ

К числу исторических трудов, которые сохраняют свое значение по прошествии весьма длительного времени после их создания, относится и «Очерк истории Японии», принадлежащий перу Василия Яковлевича Костылева (1848—1918). Со времени написания им этой работы, которая была закончена в Нагасаки 15 сентября 1887 г., а издана в следующем году¹, прошло почти сто лет.

Сам автор этого первого в России труда по истории Японии, охватывающего период с древнейших времен вплоть до «революции Мэйдзи», оценивал свое произведение весьма скромно: «Настоящий очерк очень поверхностен и не удовлетворяет многим требованиям. Виною этого самый характер источников, которыми мне пришлось пользоваться, но я не теряю надежды, что со временем мне удастся изложить некоторые отделы истории Японии более подробно и основательно»².

Тем не менее книга сыграла более важную роль, чем мог предположить сам автор. Ни одно из последующих поколений русских и советских японоведов не могло пройти мимо этой работы В. Я. Костылева³, среди достоинств которой следует назвать подробное изложение фактов на основе серьезных исторических источников, снабженное весьма разносторонними примечаниями (их в работе 386!).

В. Я. Костылева следует рассматривать как одного из тех, кто положил начало изучению истории Японии в России, не только потому, что он явился автором первого научного труда по истории Японии, но еще и потому, что именно ему довелось впервые читать курс истории Японии на факультете восточных языков Петербургского университета — ведущего востоковедного центра России того времени.

Василий Яковлевич Костылев родился 1 января 1848 г. в семье священника. Среднее образование получил в Архангельской духовной семинарии, которую закончил в 1870 г.⁴ С 1870 по 1874 г. обучался на факультете восточных языков Петербургского университета по китайско-маньчжуро-монгольскому разряду, который закончил с ученой степенью кандидата. По окончании университета

¹ В. Я. Костылев. Очерк истории Японии. СПб., 1888, 4 с.+24 с.+448 с. Все предшествующие публикации, увидевшие свет в России, были по существу популяризаторскими изданиями ненаучного характера. Авторы большинства из них не были специалистами в области истории Японии. Тем не менее эти работы составили целый этап в развитии представлений о Японии в России. Среди них — труд И. Рейхеля по истории Японии, вышедший в 1773 г. (автор — историк, немец на русской службе); «История Японии» востоковеда Н. Горлова, изданная в 1835 г.; опубликованный в 1854 г. перевод монументального описания натуралиста Ф. Зибольда, в котором есть главы и по истории Японии; «Очерки Японии» (1869) географа М. Венюкова. Из более ранних работ, принадлежащих перу историков-японоведов, видимо, можно назвать лишь труды Н. Я. Бичурина — переводчика разделов старинных китайских исторических хроник, посвященных Японии.

² В. Я. Костылев. Указ. соч., с. 3.

³ Л. В. Зенина. Русская историография по периоду Токугава. — Филология и история стран зарубежной Азии и Африки. Тезисы юбилейной научной конференции восточного факультета ЛГУ им. А. А. Ждакова, посвященной 50-летию Великого Октября. Л., 1967, с. 73.

⁴ Список профессоров и приват-доцентов факультета восточных языков Императорского, бывшего Петербургского, ныне Петроградского университета с 1819 г. (далее — Список. . .), Пг., 1916, с. 12.

В. Я. Костылев поступил на службу в министерство народного просвещения, но уже менее чем через месяц подал прошение об уходе. Приказом по министерству иностранных дел от 22 июля 1874 г. он был причислен к Азиатскому департаменту МИД с 11 июля того же года. От коллежского секретаря в 1874 г. В. Я. Костылев продвинулся по службе до чина действительного статского советника в 1900 г.⁶

С 1 августа 1874 г. он был назначен студентом Генерального консульства России в Японии (Нагасаки), а с 4 февраля 1875 г. — студентом миссии в Эдо (прежнее название Токио). С 1 января 1883 г. В. Я. Костылев исполнял обязанности, а с 1 сентября 1884 г. был официально назначен русским консулом в Нагасаки и исполнял эту должность вплоть до 16 июня 1900 г., когда был «уволен от службы согласно прошению»⁶. Признанием талантов и глубокой ответственности В. Я. Костылева при исполнении им обязанностей на доверенных ему дипломатических постах служат многочисленные ордена и прочие награды, как русские, так и японские, которых он был удостоен. При рассмотрении вопроса о возможности назначения В. Я. Костылева консулом управляющий российской миссией в Японии барон Р. Р. Розен писал в Азиатский департамент МИД: «Приобретенное им за девятилетнее пребывание его в Японии основательное знание страны, ее языка, законов и истории делает его, по моему мнению, особенно способным занять один из консульских постов здесь»⁷.

Вопрос о мерах по улучшению преподавания на факультете восточных языков Петербургского университета японского языка и приглашения для работы на факультете В. Я. Костылева, который считался «отличным знатоком японского языка, зарекомендовавшим себя серьезными научными трудами, посвященными Японии»⁸, обсуждался на факультете еще 15 января 1897 г. «К великому прискорбию, г. Костылев отклонил предложение факультета, и факультет должен [был] озаботиться приготовлением соответствующего специалиста из собственных питомцев»⁹. Однако оставленный при факультете «для приготовления к занятиям... кафедры [японского языка и словесности], окончивший курс по факультету Феликс-Евгений Спальвин»¹⁰ после командировки по ходатайству факультета в Японию согласился преподавать в должности профессора во вновь учрежденном Восточном институте во Владивостоке, обманув тем самым ожидания факультета. «С 1 мая 1903 г. был оставлен при университете для приготовления к занятию этой же кафедры окончивший курс по факультету Арсений Вознесенский, командированный в 1904 г. по ходатайству факультета за границу»¹¹, в Японию. В 1906 г. министерством народного просвещения были уже выделены средства на эту поездку, однако по просьбе МИД отъезд дважды откладывался, а в 1907 г. «г. Вознесенский представил факультету докладную записку с просьбой об освобождении его от возложенной на него научной командировки, тем самым отказываясь от занятия в будущем кафедры, для которой он имелся в виду факультетом»¹².

В это время, 1 сентября 1907 г., В. Я. Костылев, уже не состоящий на дипломатической службе, предложил факультету свои услуги. С 14 декабря 1907 г.

⁶ См.: Формулярный список о службе [далее вписано] приват-доцента Императорского СПб университета по кафедре японского языка и словесности [далее до запятой зачеркнуто] бывшего консула в Нагасаки, действительного статского советника Василия Яковлевича Костылева. — Ленинградский государственный исторический архив (далее — ЛГИА), ф. 14, оп. 1, д. 10 139, л. 12—14.

⁷ Там же, л. 14.

⁸ Архив востоковедов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (далее — АВ ЛО ИВАН), ф. 65, оп. 1, с. 2. — Документ хранится в Архиве внешней политики России (далее — АВПР), IV—10, 1883 г., оп. 129—130, д. 1, л. 8—9 об.

⁹ Материалы для истории факультета восточных языков. Т. 2. 1865—1901. СПб., 1906, с. 281.

¹⁰ Там же.

¹¹ Дело Совета Императорского СПб университета. Костылев В. Я. — о допущении к чтению лекций в звании приват-доцента по кафедре японского языка и словесности. — ЛГИА, ф. 14, оп. 1, д. 10 139, л. 1.

¹² Там же.

¹³ Там же, л. 1 об.

по 1 декабря 1908 г.¹³ он преподавал на факультете восточных языков в качестве приват-доцента¹⁴. В своем заявлении о допуске к преподаванию он писал, что помимо занятий со студентами грамматикой японского письменного и разговорного языка намерен «ознакомить их с географией, историей и бытом Японии»¹⁵. В итоге В. Я. Костылев из семи часов занятий в неделю два часа читал студентам курс «История и география Японии»¹⁶. К сожалению, никаких конкретных материалов о содержании курса не сохранилось. После ухода В. Я. Костылева курс истории Японии вновь не читался в течение довольно длительного времени. В 1913 г. лекции по истории Японии стал читать китаист А. Е. Любимов¹⁷, а в 1916—1917 гг. изучением Японии занялся приват-доцент М. Н. Рамминг, который уже в 1917 г. покинул факультет¹⁸. Однако оба они не являлись столь крупными специалистами в области истории Японии, каким был В. Я. Костылев, в течение более чем двух десятилетий находившийся на дипломатической службе в Японии.

Вся жизнь В. Я. Костылева была посвящена изучению истории и языка нашего дальневосточного соседа, собиранию и использованию этих знаний для нужд Российского государства.

Много интересных мыслей высказывалось В. Я. Костылевым о том, как необходимо изменить систему преподавания японского языка в России, чтобы это принесло большую пользу государству¹⁹. Им были перечислены недостатки практических пособий, учебников и словарей японского языка, с которыми Россия пришла к началу русско-японской войны и которые могли принести слишком мало пользы при изучении японского языка. В переписке В. Я. Костылева раскрываются причины конкретных недостатков, методы их устранения²⁰.

Обосновав насущную необходимость в создании таких пособий, В. Я. Костылев сам берет за их составление. Он переводит ряд западных пособий и грамматик, составляет собственные наброски для будущих учебников²¹. В итоге В. Я. Костылевым были изданы три пособия такого рода: два — по грамматике и один словарь²². Предпринятые им огромные усилия по опубликованию этих книг, сопряженные с этим трудности нашли отражение в сохранившейся переписке по издательским делам²³. В частности, его патриотическое чувство было оскорблено тем фактом, что преподававший в университете с 1883 г. японец Куроно Ёсибуми использовал для названия России крайне неподходящий иероглиф. В обращении к декану факультета восточных языков В. А. Жуковскому от 18 октября 1908 г. он говорит о том, что, «если бы Куроно Ёсибуми хотел исправить допущенную им ошибку, пользуясь своею хрестоматиею для преподавания японского языка гг. студентам, давно бы мог исправить... но тут ясно, что у Куроно Ёсибуми до сих пор было желание величать Россию, платящую ему жалованье, грубым, тупым государством или грубою, тупою, дикою (слово «дикою» зачеркнуто. — А. Ф.) странною и тому же обучать гг. студентов»²⁴.

¹³ Там же, лл. 5—10; Спснок. . . , с. 13.

¹⁴ Одновременно с В. Я. Костылевым в университете преподавал японский язык лектор Куроно Ёсибуми, японец по происхождению, долгое время (вплоть до смерти в 1918 г.) живший в России. О Куроно Ёсибуми см.: ЛГИА, ф. 14, оп. 1, д. 8930. — (92 л.).

¹⁵ АВ ЛО ИВАН, ф. 65, оп. 1, д. 65, л. 1.

¹⁶ Обзорение преподавания наук в Императорском СПб университете на 1908—09 учебный год. Разд. «Обзорение преподавания по факультету восточных языков в 1908—09 учебном году» (далее — Обзорение преподавания. . .). СПб., 1908, с. 15.

¹⁷ Обзорение преподавания. . . за 1913—14—1918—19 учебные годы. Подробно см.: Г. Я. Смоллин. Китаевед-историк А. Е. Любимов (очерк научно-педагогической деятельности). — Историкография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 5. Л., 1980, с. 81—97.

¹⁸ О его деятельности на факультете см.: ЛГИА, ф. 14, оп. 1, д. 10 771. — (83 л.).

¹⁹ АВ ЛО ИВАН, ф. 65, оп. 1, д. 41.

²⁰ Там же, д. 41, 66.

²¹ Там же, д. 16—19, 29, 31 и др.

²² Грамматика японского разговорного языка. СПб., 1908; Упрощенная грамматика японского языка. СПб., 1908; Русско-японский словарь разговорного языка. СПб., 1914.

²³ АВ ЛО ИВАН, ф. 65, оп. 1, д. 66. — (9 л.).

²⁴ Там же, д. 41, л. 7. Возможно, что в данном случае могли сыграть свою роль непростые отношения, существовавшие между двумя этими людьми. См. черновики письма В. Я. Костылева к декану факультета В. А. Жуковскому от 18 сентября 1907 г. (там же, д. 65, л. 206.).

Склонность В. Я. Костылева к изучению истории обнаружилась еще во время его учебы в университете. Сохранилась большая, почти в две с половиной сотни страниц объемом, студенческая научная работа В. Я. Костылева «Степень достоверности древнекитайской истории»²⁶. Сохранился ряд записей, касающихся японской философии и религии. В них не нашел существенного отражения буддизм, однако среди выписок имеются и рассуждения В. Я. Костылева о китайском даосизме²⁶ и особенно о его влиянии на такую, традиционно считающуюся японской, религию, как синто²⁷. В. Я. Костылев пытался найти философские и религиозные параллели этой традиционной доктрине не только на Дальнем Востоке, но и в Европе, что представляет в наши дни особый интерес. Наброском еще одного интересного исследования являются заметки о распространении православия и деятельности русских миссионеров в Японии²⁸.

Подлинной научной вершиной в творчестве В. Я. Костылева, которой предшествовали многие годы работы над японской литературой и источниками, явился «Очерк истории Японии». Уцелел ряд рукописей, которые, по-видимому, были теми материалами, на основе которых составлялся этот очерк. Среди них особое внимание обращает на себя рукопись объемом почти в 50 листов, являющаяся переводом и исследованием «Кодзики» («Записи о делах древности»), памятника, составленного в VIII в. и по существу представляющего собой свод космогонических мифов, исторических преданий и легенд²⁹. Сохранился также ряд переводов и выписок из работ японских историков, а также комментариев к ним. Так, выписки из многотомного труда «Нихон гайси» («Неофициальная история Японии») — переводы, комментарии и словари к нему — составляют более 1000 листов³⁰. Немалый интерес представляют собой отрывки из труда неизвестного автора из дома Ода о событиях XVI в.³¹ и многое другое.

Рукописи, написанные после публикации «Очерка», имеют уже несколько иной характер как по конкретной проблематике, так и по своей общей направленности. Отметим прежде всего более глубокое исследование В. Я. Костылевым современных для него событий и всего, что так или иначе соприкасается с ними. Научную работу в этот период его деятельности, по-видимому, лучше всего характеризуют составляющие более 300 страниц выписки о событиях японо-китайской войны 1894—1895 гг.³² Выписки велись с 24 мая 1894 г. по 22 февраля 1895 г. практически ежедневно. Изредка в этом своеобразном «дневнике» встречаются перерывы до недели, крайне редко — в полтора-два месяца³³. В. Я. Костылев использовал для этой работы, как правило, материалы пяти крупнейших японских газет. В его выписках собраны тексты официальных телеграмм и приказов, приводятся размеры и подробная структура государственных займов и многое другое.

Примечательна широта интересов и кругозора В. Я. Костылева. В те же годы, когда подбирались материалы к «Очерку истории Японии», им был начат и подбор материалов исторического и географического характера о Корее³⁴. К сожалению, довести до конца работу над рукописью «Очерка истории Кореи» В. Я. Костылеву не удалось. Но даже сохранившиеся наброски, датированные началом нашего века, содержат более 1000 страниц текста, составленного на основе переводов китайских и японских источников³⁵. Они имеют весьма большую ценность, несмотря на то что в данном случае речь идет лишь о подборке материалов, которые автор не успел систематизировать и подготовить к печати. Для

²⁶ Там же, д. 43. — (123 л. об.).

²⁶ Там же, д. 38. — (7 л.).

²⁷ Там же, д. 36. — (14 л.).

²⁸ Там же, д. 37. — (5 л.).

²⁹ Там же, д. 1: Предисловие к «Кодзики» — 1 л., Краткий очерк истории памятника — 5 л., Краткий перевод предисловия и текста с комментариями — 38 л.

³⁰ Там же, д. 3 (798 л.), д. 4 (489 л.), д. 6 (48 л.), д. 7 (24 л.).

³¹ Там же, д. 12. — (7 л.).

³² Там же, д. 14. — (169 л. об.).

³³ Возможно, это объясняется тем, что часть материалов была утеряна до их брошюровки.

³⁴ АВ ЛО ИВАН, ф. 65, оп. 1, д. 47—51.

³⁵ Там же, д. 52. — (510 л. об.).

того чтобы подготовить их публикацию, необходимо проделать еще значительную работу.

«Очерк истории Японии» был по достоинству оценен еще современниками В. Я. Костылева. Сохранился подробный отзыв об этой работе, принадлежащий перу неизвестного автора³⁶. В отзыве говорится о том, что «очерк истории Японии Василия Костылева у нас есть первый опыт изложения истории Японии в более или менее связном виде если не во всех частях, то по крайней мере там, где возможно»³⁷. Автор отзыва отмечает, что в работе не указано, какими именно источниками «пользовался [В. Я. Костылев] для изложения хода событий», и отмечается «случайный характер издания всей книги»³⁸. Однако он говорит о том, что английские и немецкие предшественники В. Я. Костылева в изложении истории Японии (имеются в виду Зибольд, Диксон, Гюмбер и др.) обращались при составлении своих работ прежде всего к элементарным школьным учебникам. Что касается В. Я. Костылева, то он привлек «столь крупные трудные источники, как 100 томов Дай Нихон-си (Большая история Японии. — А. Ф.), а использованный им Ни-хон-Гай-си был переведен почти целиком и период XIII—XVI вв. изложен целиком по Ни-хон-Гай-си»³⁹. Прежде никто в Европе «Нихон гайси» полностью не переводил. «Все довольствовались только отрывками. Благодаря этому связь событий этого периода (периода сѳуната. — А. Ф.) с предыдущим периодом невольно ускользала, в особенности в начале периода сѳуната»⁴⁰. Что же касается «Дай Нихон си», то автор отзыва отмечает, что этот фундаментальный труд даже «далеко не каждый знающий иероглифы японец возьмется читать»⁴¹.

По мнению автора отзыва, В. Я. Костылев блестяще справился с несколькими крайне трудными для европейца аспектами. С одной стороны, он изложил историю Японии цельно, нигде не нарушив логики событий и их внутренней взаимосвязи. С другой стороны, умом европейца он сумел постигнуть, что здесь было привнесено и не имеет под собой совершенно определенной исторической основы. Таким образом, взгляд В. Я. Костылева на историю Японии явился одновременно и критическим взглядом европейца, причем такого европейца, который не стал полностью отвергать ничего из того, что веками считалось в Японии общепризнанным. Главным его принцип в этом отношении, пожалуй, следующий — «предоставляя читателю факты, [он] предоставляет ему самому судить по фактам»⁴². По восприятию истории Японии это в своем роде первая в европейской и американской науке работа, в которой автор с четких научных позиций стремился подойти к исследованию истории. С одной стороны, он ничего не отвергает, а с другой — дает достаточно оснований для того, чтобы можно было судить о том, что здесь истинно, а что является позднейшим наслоением. «Благодаря взгляду на древнюю историю Японии как недостоверную автор излагает ее кратко, но не выпускает ее. Выпустить ее нить опасно. Раз выпустив из рук, пожалуй, не поймашь. Благодаря этому он разматывает ее с начала и ведет изложение с того же времени, как ведут сами японцы, т. е. с сотворения мира»⁴³.

Что касается современного взгляда на «Очерк истории Японии», написанный В. Я. Костылевым в конце прошлого века, то, без сомнения, в этой работе есть и слабые стороны. В частности, отметим, что он дает изложение истории императоров и сѳунов, а не истории японского народа; наряду с прекрасным очерком политической истории практически нет истории социальной. Автор не всегда критически

³⁶ Там же, д. 15. — (5 л. об.). Это — два варианта отзыва на работу. Первый по порядку — объемом около пяти страниц, а второй — около четырех. Видимо, более ранним по времени написания является отзыв, подшитый вторым. Оба отзыва (во многом почти совершенно идентичные) представляют собой черновики, написанные одним и тем же человеком, и не имеют никаких пометок, которые помогли бы определить личность автора.

³⁷ Там же, л. 1, 4.

³⁸ Там же, л. 5 об.

³⁹ Там же, л. 2.

⁴⁰ Там же, л. 4 об.

⁴¹ Там же, л. 5 об.

⁴² Там же, л. 5.

⁴³ Там же, л. 4 об., 5.

относится к японским письменным памятникам, в ряде случаев отсутствуют ссылки на конкретные источники.

Следует тем не менее учесть, что речь идет о первом для своего времени в России научном труде, где связано излагается история Японии с древнейших времен вплоть до «революции Мэйдзи». В основу своей работы В. Я. Костылев положил серьезные источники и научную литературу. В. Я. Костылев был одним из первых переводчиков многих документов по истории периода Токугава вообще. Он широко использует аппарат примечаний.

В книге «Очерк истории Японии» впервые публикуется изложение содержания мифологического свода «Кодзики», приводится ряд важных источников по периоду Токугава (1603—1868). Законодательство периода Токугава было вершиной достижений традиционной японской юридической науки. Оно было логическим завершением формировавшегося с XII в. законодательства сёгуната, законодательства периода сложившегося феодализма. После буржуазной революции Мэйдзи на формирование нового японского буржуазного законодательства существенное влияние оказала юридическая мысль Франции, а также Германии и ряда других стран. В складывании законодательства периода Токугава можно выделить три этапа: 1) подготовительный, период создания предпосылок установления стабильности в стране, 2) становления как развитой системы, 3) окончательного его складывания. К первому этапу относятся указы, изданные в период с 1588 по 1598 г. Тоётоми Хидэёси, вторым из объединителей Японии после периода феодальной раздробленности. Для второго этапа — 1603—1615 гг. — характерно складывание системы кодексов для различных сословий, основной целью которой было укрепление социальной стабильности в государстве во избежание возникновения новых беспорядков в стране, а в качестве средства для достижения этой цели — строгая регламентация обязанностей всех сословий. Законы этого периода включали кодексы для императорского двора (и в первую очередь для придворной аристократии), для военной аристократии, для военного сословия в целом, кодексы для духовенства, а также множество законов и специальных указов о регламентации жизни крестьян. Формирование законодательства периода Токугава было окончательно завершено появлением «завещания Иэясу» — политического завещания основателя последней династии сёгунов своим наследникам, а также еще одного документа, относящегося уже к третьему этапу «кодекса из ста статей» 1742 г. Оба документа включали в свое полное наименование выражение «сто статей», порой их и называли просто «ста статьями».

В работе В. Я. Костылева переведены наиболее важные из этих памятников. Это целая серия разного рода кодексов, изданных основателем династии — Токугава Иэясу: 18 статей об отношении к императорскому двору, 17 статей правил для императорского двора, 13 статей кодекса для военной аристократии. Эти документы были вновь полностью переведены на русский язык лишь в конце 50-х годов нашего столетия Г. И. Подпаловой⁴⁴. Приведенное в книге В. Я. Костылева «Завещание Иэясу из ста статей» вплоть до наших дней так и не переведено полностью на русский язык. Все переводы этого документа, которые предпринимались за прошедшее время, были либо фрагментарными, либо за их основу был взят перевод В. Я. Костылева.

Повторим еще раз, что книга «Очерк истории Японии» не утратила своего значения до настоящего времени. Вклад, внесенный в науку В. Я. Костылевым о Востоке, в частности в изучение Японии, должен быть оценен по достоинству.

⁴⁴ Г. И. Подпалова. Крестьянское петиционное движение в Японии во второй половине XVII—начале XVIII века. М., 1960, с. 171—183.

НАРОДЫ
АЗИИ и АФРИКИ
№ 2